

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОСТАВА РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛЕГИСЛАТУР В 2000-е гг. (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)¹

Шашкова Ярослава Юрьевна, доктор политических наук, профессор

Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: yashashkova@mail.ru

В статье анализируется влияние трансформаций политического режима, политических процессов, партийного и избирательного законодательства федерального и регионального уровней на политический и персональный составы, структуру законодательных собраний Новосибирской, Кемеровской областей и Алтайского края.

Ключевые слова: субъекты РФ, законодательная (представительная) власть, политические партии, избирательный процесс

POLITICAL AND LEGAL FACTORS AFFECTING THE TRANSFORMATION IN THE COMPOSITION OF THE REGIONAL LEGISLATURES IN THE 2000s (THE CASE OF THE REGIONS IN SOUTH-WESTERN SIBERIA)

Shashkova Yaroslava Yu., D.Sc. (Political Science), Professor

Altai State University
61 Lenin ave., Barnaul, 656049, Russia
E-mail: yashashkova@mail.ru

The impact of the transformation of political regime, political processes and federal and regional laws on political parties and elections, on the political composition and members and the structure of the legislative assemblies in Novosibirsk, Kemerovo and Altai Regions are discussed.

Keywords: the subjects of the Russian Federation, legislative (representative) power, political parties, electoral process

Политическое управление на современном этапе приобретает все более профессиональный и закрытый характер, основываясь на взаимодействии сегментов государства с группами интересов в рамках модели «железных треугольников». Это справедливо и для нашей страны, где особенности политической трансформации последних десятилетий и политической культуры обусловили формирование моноцентричного режима с доминированием вертикальных связей, наличием высокой степени отчуждения населения от власти и центров принятия политических решений.

Концентрация ресурсов и власти в ограниченных кругах консолидированной элиты меняла и характер процесса принятия решений. Публичный политический процесс в 2000-е гг. заменился «навязыванием игрокам решений» или режимом консультаций, причем «центральным игроком» этого политического торга стал «Кремль, а объем политических ресурсов, находящихся в его распоряжении, неизмеримо увеличился... Усилилось... принуждение к консенсусу» [11, с. 67–68, 78]. Государство в отношениях с группами интересов перешло от господствующей в 1990-е гг. модели плюрализма, при которой политический процесс развертывался как результат конкуренции различных сложных, добровольных, неиерархичных и самоопределяющихся групп интересов, в том числе и государства, в ходе которой между олигархами и дру-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки в рамках федерального государственного задания (проект № 6.3042.2011 «Комплексное изучение развития политического и религиозного ландшафта в Южной Сибири в контексте государственной политики России»).

гими участниками распределялись власть и ресурсы общества, к корпоратизму, подразумевающему «выстраивание» политического процесса как сферы взаимодействия между группами интересов под контролем государства, в которой присутствует ограниченное число неконкурирующих, принудительных, иерархически упорядоченных и функционально различных образований, одобренных или лицензированных государством и стремящихся к монополии на представительство интересов в своей сфере.

С другой стороны, консолидацию можно рассматривать как своеобразный пакт в условиях рационального выбора. Он охватил внутриэлитные отношения, укрепив взаимодействие части бизнеса и политики. Так как основные доходы в этот период продолжали приносить монополии, то связанный с ними крупный бизнес был вынужден ориентироваться на государственную политику. Чтобы сохранить возможность контроля над ней в условиях перехода исполнительной власти во главе с В.В. Путиным к политике равноудаленности от бизнес-групп, последние были вынуждены активно включаться в процесс получения депутатских мандатов для себя или своих уполномоченных. Это приводило к превращению институтов представительства, в частности, политических партий, в «акционерные общества» и франчайзинговые структуры, а также повышению стоимости депутатских мандатов, делая их фактически недостижимыми для общественных структур. С другой стороны, политическая элита также укрепляла свои связи с бизнес-структурами посредством права управления госдолей в крупных корпорациях, наличия собственного бизнеса или лоббистских отношений, больше похожих на «государственное предпринимательство», когда «служба чиновника выглядит ... частно-предпринимательской деятельностью», способом «получения прибыли от эксплуатации рабочего места» [25, с. 128].

В этих условиях конкуренция групп интересов были практически полностью вытеснена неформальными контактами и кулуарными договоренностями. «Системная интеграция» была достигнута «с помощью не столько закона, сколько личных связей, которые моделируют взаимоотношения главных действующих лиц системы. Причем поскольку система власти относительно автономна и от государства, и от общества, то элиты не заинтересованы ни в правовом регулировании, ни в институтах демократии» [23, с. 128].

В основе этого процесса лежало сформировавшееся в начале 1990-х гг. главенство корпоративно-отраслевых и региональных элит как субъектов политики, что позволяло им лоббирование своих интересов во власти через различные схемы и институты. В дальнейшем вытеснение политики из публичной сферы в меж- и внутриклановую только нарастало [22, с. 190].

Несмотря на преобладание тренда унификации политических процессов на федеральном уровне, ситуация в отдельных регионах имела свою специфику, что делает актуальным вопрос о степени влияния изменений «правил игры», соотношения федеральных трендов и диспозиции региональных групп интересов на состав и структуру региональных органов законодательной власти.

Необходимо отметить, что применение на региональных выборах в большинстве субъектов РФ в 1990-е гг. мажоритарной системы обычно приводило к вытеснению политических партий на периферию электорального поля, а большинство мандатов в региональных легислатурах получали так называемые независимые кандидаты, представлявшие различные элитные группы интересов. Это, отчасти, объяснялось слабой институционализацией и пространственным распространением политических партий, нарастанием отчуждения населения от власти вследствие переориентации на решение социально-экономических проблем, отсутствием у него знаний о политике и опыта участия в ней по новым правилам. Свою роль играло избирательное законодательство, так как, согласно Указу Президента № 1765, право выдвигать кандидатов в представительные органы государственной власти субъектов Федерации имели избирательные объединения и избирательные группы, под которыми понимались «краевые, областные, городские (в городах федерального значения), окружные отделения общепартийных, политических движений, иных общественных объедине-

ний, устав которых зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации и предусматривал участие в выборах; региональные партии, политические движения; иные общественные объединения, устав которых зарегистрирован в установленном порядке и предусматривал участие в выборах; блок указанных общественных объединений, создаваемый на период проведения выборов» [17].

В результате отличительной особенностью 1990-х гг. являлось то, что наряду с партиями на политическом ландшафте, в том числе в процессе формирования депутатского корпуса региональных legislатур, активно проявляли себя и другие акторы, в частности, созданные по инициативе губернаторов блоки, профсоюзы и объединения предпринимателей. Их функционирование основывалось на административных возможностях регионального лидера, его авторитете и популярности, обеспечивая губернаторам собственное переизбрание, а также продвижение своих сторонников в региональные и местные органы власти и получение определенных выгод в ходе общенациональных избирательных кампаний [15, с. 42].

Наиболее ярко эта тенденция проявилась в Кузбассе, где за общим фасадом активности региональных отделений партий, общественных объединений и блоков стоял губернатор А.Г. Тулеев, поставивший под контроль все политические процессы в регионе, в результате чего партии и иные общественно-политические объединения превратились лишь в формальные каналы продвижения в состав legislатур губернаторских представителей. Так, в депутатском корпусе области созыва 1996 г. 11 из 21 депутата (52,3 %) являлись представителями избирательного блока «Народовластие – блок А. Тулеева» [4, с. 318, 321–322]. На следующих выборах Кемеровского совета народных депутатов в 1999 г. «Избирательный блок А. Тулеева» получил 34 мандата из 35 возможных (97,1 %) [4, с. 396–397].

На этом фоне большей конкуренцией отличалась политическая ситуация в Новосибирской области, ведь Новосибирск – не просто мегаполис, это крупнейший университетский и академический центр, очаг постиндустриального развития, обладающий развитыми медиасообществом и сферой профессионального политического консалтинга. На политическом поле региона функционировало значительное количество политических организаций при отсутствии заметного доминирования какой-либо из них, что приводило к жесткой конкуренции на выборах и политической неоднородности избираемых legislатур. Так, в выборах депутатов Облсовета 2 декабря 2001 г. приняло участие всего 12 общественных объединений из 68 (17,64 %), 2 из которых вошли в состав блока [5, с. 100].

Новосибирская область была отмечена ЦИК в числе немногих регионов, где наблюдалась высокая активность избирательных объединений в выдвижении (выдвинули 42 % кандидатов) и продвижении своих кандидатов в ассамблею [5, с. 8, 39]. Тем более, что выборы пришлось на переходный период, когда после принятия федерального закона региональные партии были запрещены, а остальные определяли свой дальнейший статус. В результате 45,8 % депутатского корпуса было представлено выдвиженцами общественных объединений, плюс 6 мандатов (12,5 %) получили те, кто обозначил свою принадлежность к ним [5, с. 100].

Повышение с начала 2000-х гг. (после принятия в 2001 г. Закона «О политических партиях») институциональной определенности политических партий и их активности по рекрутированию в свои ряды депутатов всех уровней привело к тому, что в 2003–2004 гг. партийная составляющая региональных legislатур стала более заметной. В Новосибирском облсовете были представлены 4 партии: КППРФ (14 депутатов, 29 %), «Единая Россия» (11 депутатов, 22 %), Аграрная партия (7 депутатов, 14 %) и РПРФ (1 депутат, 2 %). Тем самым, на долю партийных депутатов приходилось 67 % мест [1, с. 20]. На этом основании в Облсовете созыва 2001 г. существовало две фракции – КППРФ (сначала 14 (29 %), в 2005 г. – 12 депутатов (26 %)) и «Единой России» (сначала 6 (12 %), в 2005 г. – 17 депутатов (40 %)). В июне 2005 г. была создана и фракция АПР (6 депутатов, 13 % общей численности) [20, с. 4].

Своеобразным исключением являлся Алтайский край, политическая жизнь которого в рамках моноцентричного режима губернатора А.А. Сурикова с середины 1990-х гг. определялась конкуренцией двух блоков – краевого движения «За подлинное народовластие, гражданский мир и интересы человека труда», объединявшего представителей КПРФ и АПР, и либерально ориентированного движения «Согласие». При этом социально-экономическая ситуация и особенности политической культуры региона обусловили значительную роль в функционировании Законодательного Собрания движения «За подлинное народовластие», ставшего каналом лоббизма широкого спектра групп интересов (АПК, образование, здравоохранение), как в силу идеологической ориентации, так и рационального расчета региональной бизнес-элиты. В 1997 г. в АКЗС сформировалась еще одна фракция – «Союз промышленников», объединившая депутатов – руководителей промышленных предприятий и ТЭК.

Принятый Государственной думой РФ в 2002 г. закон о переходе на смешанный принцип формирования законодательных органов субъектов РФ, согласно которому не менее половины мест в них должны занимать представители политических партий, избранные по спискам партий, преодолевших избирательный барьер, повлек за собой изменения структуры, политического и персонального состава региональной законодательной власти, ознаменовав начало нового этапа ее развития.

В первую очередь, увеличивалась численность депутатов (например, с 50 до 68 в Алтайском крае и вдвое – с 48 до 96 – в Новосибирской области), половина из которых избиралась по партийным спискам. В большинстве случаев, как в Алтайском крае, это приводило к изменению границ существовавших уже почти десятилетие одномандатных округов, ситуациям, когда в одном округе конкурировали два депутата-инкумбента.

Во-вторых, появились группы депутатов, избравшихся по закрытым партийным спискам. Формально последние возглавлялись известными политиками – «паровозами», которые участвовали в выборах и по одномандатным округам, однако в случае победы в последних передавали свои мандаты кандидатам, стоящим ниже в партийных списках. Также партии получили монопольное среди общественных объединений право на выдвижение кандидатов по одномандатным округам, что позволило им избирать своих наиболее известных представителей как по партийным спискам, так и по одномандатным округам.

Кроме того, в связи с изменениями в избирательном законодательстве из состава депутатов исчезла ранее весьма представительная категория глав муниципальных образований, которые выступали в роли активных лоббистов интересов своих территорий. В результате резко возростала доля партийных депутатов, а персональный состав legislatur менялся. Например, по итогам выборов в Алтайский краевой Совет народных депутатов в 2004 г. доля партийных депутатов составила 75 % общей численности против 48 % в 2000 г., а персональный состав обновился на 78 %. В нем были представлены блок КПРФ и АПР «За наш Алтай!» (18 мандатов), «Единая Россия» (20 мандатов), ЛДПР (5 мандатов) и образованный региональными отделениями «Партии Мира и Единства», «Российской партии самоуправления трудящихся» и Объединенной российской партии «Русь» блок «В ПОДДЕРЖКУ ПРЕЗИДЕНТА» (8 мандатов). При этом интересно, что краевая организация ЛДПР продала большую часть мест в своем списке ФПГ «Сибма», спонсировавшую и не прошедшую в legislaturу СПС [2, с. 11]. Обращает на себя внимание и тот факт, что состав партийных списков почти полностью состоял из «новых людей». Переизбраться смогли только 15 депутатов прежнего созыва. Традиционно высокая доля переизбранных депутатов приходилась на «левый» блок (7 человек, в 2000 г. им также удалось переизбрать 5 депутатов), на одного депутата им уступали «единороссы» (6 депутатов) и еще 2 переизбранных депутата в прошлом созыве относились к независимым.

Соответственно в КСНД сохранились две крупные партийные фракции: коммунистов и аграриев «За наш Алтай» и «единороссов» (сначала депутатская группа «Союз промышленников», а с апреля 2001 г. фракция «Единая Россия» – «Союз промышленников»), а также были сформированы две депутатские группы – «Объеди-

ненные депутаты (ЛДПР и независимые депутаты)» и «В поддержку Президента – за развитие края» (позднее волилась в «Объединенных депутатов»).

Формирование почти равных фракций коммунистов и «единороссов» сказалось на организационной структуре КСНД. Социальные вопросы были распределены между двумя комитетами: по образованию, науке, культуре и молодежной политике, контролируемым коммунистами, и по охране здоровья и социальной защите населения (под руководством «единороссов»). Этот же принцип был применен к правотворчеству: были образованы комитет по местному самоуправлению (контролировался коммунистами) и комитет по законности, правопорядку и защите прав граждан («единороссы»). Кроме того, коммунисты возглавили комитет по аграрной политике и природопользованию, а «единороссы» – по экономической политике, промышленности, предпринимательству и собственности. Тем самым реализовывалось принятое партиями и блоками «пакетное соглашение», распределившее посты председателей и заместителей председателей комитетов между фракциями пропорционально их доли в законодательном органе. Однако последующая перегруппировка политических сил и массовое вступление депутатов, в первую очередь, независимых, во фракцию «Единая Россия» привели к увеличению подконтрольных ей комитетов.

Еще одной законодательной нормой, оказавшей существенное влияние на политический состав и структуру legislatur субъектов РФ, стал введенный в июле 2005 г. запрет на создание избирательных блоков для участия в выборах всех уровней. До середины 2000-х гг. именно такие блоки, зачастую созданные по инициативе губернаторов и контролируемые ими, играли большую роль в региональных legislатурах, например, в Кемеровской области. После запрета их создания партийно-политическая структура законодательных органов власти регионов становится фактически унифицированной по составу участников, как правило, в них образуется 4 фракции: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия».

Немаловажную роль в данном процессе сыграли и политические факторы: централизация и унификация политического процесса, формирование консолидированной партии власти «Единой России» с мощным административным ресурсом, создание на левом фланге при поддержке власти коалиции «Справедливая Россия», ставшей в силу этого достаточно привлекательной для части региональной элиты, не сумевшей занять выгодные посты в «единороссовских» структурах или вышедших из них в ходе внутривнутрипартийной борьбы и т.д. Так, 22 февраля 2007 г. в АКСНД было принято решение о создании депутатской группы «Справедливая Россия» (9 депутатов). А по результатам выборов в Алтайское краевое Законодательное собрание (решение о переименовании с нового срока полномочий было принято в ноябре 2007 г.) 2 марта 2008 г. в нем было образовано 4 фракции: «Единая Россия» (45 депутатов), «Справедливая Россия» (9 депутатов), КПРФ (7 депутатов) и ЛДПР (6 депутатов). Председательство во всех комитетах получили «единороссы», представителям других фракций достались лишь посты их заместителей.

Еще одной тенденцией с середины 2000-х гг. стало активное вступление в «правящую фракцию» одномандатников, состоявших в других партиях, а также проведение «единороссов» по «чужим спискам» на выборах. Например, при формировании Новосибирского областного Совета депутатов 2005 г. в состав депутатского корпуса по спискам ЛДПР вошел член партии «Единая Россия» Е.Н. Покровский [10]. Использование кандидатами «партии власти» других партий для прохождения в legislaturу можно считать своего рода ее электоральной тактикой, вытекающей из невозможности завоевать абсолютно все голоса на выборах и включить в свой список на проходных позициях всех заинтересованных лиц. В итоге все выборы региональных legislatur последних лет заканчиваются почти с одинаковым результатом. Так, на выборах в Новосибирский областной совет 2005 г. из семи зарегистрированных избирательных объединений установленный семипроцентный барьер преодолели четыре – «Единая Россия» (33,12 %, 21 место), КПРФ (21,66 %, 14 мандатов), АПР (13,43 %, 8 мандатов) и ЛДПР (9,7 %, 6 мандатов). Списки кандидатов от «Родины», СПС, в

который входили и представители «Яблока» и «Народной Воли», получили соответственно 6,89, 2,65 и 0,9 % голосов избирателей [6, с. 38–53, 21]. Обращает на себя внимание тот факт, что, составляя списки, КПРФ и ЛДПР вообще сумели обойтись без популярного сейчас феномена «паровозов», для АПР его роль выполнял только первый номер – депутат Госдумы Н. Харитонов. Остальные заявленные в списках кандидаты после избрания получили мандаты депутатов Облсовета.

Схожую картину партийных предпочтений продемонстрировали и выборы в 49 одномандатных округах, где основная борьба также развернулась между партийными выдвиженцами («Единая Россия» выдвинула 30 кандидатов, КПРФ – 22, ЛДПР – 19, АПР – 15, СПС – 7, «Родина» – 3, Народная партия РФ – 6, «Народная Воля» и Национально-консервативная партия России – по 1 кандидату). Однако здесь перевес «единороссов» оказался более значительным (15 против 7 коммунистов и 5 аграриев), а либерал-демократы не смогли провести ни одного кандидата [6, с. 38–53]. Причинами этого послужили качественный состав выдвинутых кандидатов и их партийная принадлежность, так как в ходе проводившегося в октябре 2005 г. информационным агентством «ТАЙГА.info» опроса 31 % респондентов заявили, что обязательно обращают внимание на партийность кандидатов, и еще 19,8 % иногда принимают ее во внимание [12]. В итоге в Облсовете были сформированы четыре фракции и одно депутатское объединение: «Единая Россия» (41 из 98 депутатов, 41,8 %), КПРФ (21 депутат, 21,4 %), фракция Аграрной партии (14 депутатов, 14,28 %), ЛДПР (6 депутатов, 6,12 %) и группа независимых депутатов «Народный депутат» (8 человек, 8,16 %) [3]. При этом следует отметить, что, по сравнению с предыдущим созывом, представительство «Единой России» и КПРФ увеличилось в разы, а также появилась фракция ЛДПР.

Значительное преобладание «единороссов» в созыве 2005 г. позволило им провести своего представителя А. Беспаликова на пост председателя Совета и установить контроль над шестью ключевыми комитетами [3, 16, 19]. К концу же апреля 2006 г. во фракцию «Единой России» были приняты еще 9 депутатов, доведя ее численность до 50 человек, что гарантировало большинство при принятии решений, если фракция будет голосовать консолидированно [27]. Следующая «мини-революция» в структуре Облсовета произошла в октябре того же года, когда в «единороссовскую» фракцию перешли один член группы «Народный депутат» (председатель комитета по промышленности и ТЭК), первый вице-спикер и вице-спикер от ЛДПР¹. В результате группа «Народный депутат» перестала существовать, либерал-демократы лишились собственного вице-спикера в президиуме Облсовета, а под контролем «Единой России» оказались 7 из 11 комитетов Совета [13]. В целом, после объединения «Единой России» и АПР, а также всех перемещений депутатов между депутатскими группами, фракция «Единой России» включала 69 депутатов (70 %), что позволяло ей принимать любые решения. Кроме того, члены фракции возглавляли все комитеты и комиссии Облсовета. В Алтайском крае аналогичная ситуация была достигнута после выборов 2008 г.

Обратной стороной роста роли партий в формировании региональных парламентов стало стремление бизнеса использовать их как один из каналов прохождения в законодательные органы, что выразилось в увеличении доли представителей бизнес-структур в списках партий. Справедливости ради следует отметить, что это характерно не только для списков «партии власти», но и для других участников электорального процесса. Например, в Новосибирской области в 2001 г. в списке КПРФ впервые оказались не только беспартийные, но и представители крупных коммерческих структур. Много вопросов у традиционных сторонников Коммунистической партии вызвали кандидатуры таких бизнесменов, как соучредителя известного в Новосибирске Хилокского рынка А. Александрова и заместителя гендиректора обувной компании «Вестфалика» В.Н. Евсюкова [14]. Однако тогда данные случаи были единичны, а так как законода-

¹ В январе 2010 г. депутаты Новосибирского облсовета приняли решение о том, что выдвинутые партиями депутаты могут входить только в соответствующие фракции и не могут менять фракционную принадлежность.

тельное собрание формировалось на мажоритарной основе, избиратели имели возможность не голосовать за партийных выдвиженцев по одному или нескольким округам, поддерживая ее в других. С введением же обязательной партийной составляющей число таких примеров резко возросло, а возможность электората повлиять на персональный состав партийных списков была устранена.

И только на ситуацию в Кемеровской области законодательные новеллы последнего десятилетия фактически не оказали влияния. В частности, воспользовавшись установленным законом правом «переходного периода», выборы депутатов Совета Кемеровской области 2003 г. были проведены по старой, мажоритарной, системе. Как и раньше, абсолютную победу на них (27 из 30 избранных депутатов) одержал обновленный вариант «Избирательного блока А. Тулеева» – блок «Служу Кузбассу» [9]. Первая партийная фракция – фракция «Единой России» – появилась в кемеровском парламенте только 27 сентября 2006 г., формально подорвав многолетнюю монополию регионального блока «Служу Кузбассу!». На момент создания в нее вошло 26 депутатов, 20 из которых ранее избирались от указанного блока [7, 8], а потому можно согласиться с мнением новосибирского политолога В.И. Козодоя, что «в Кузбассе произошла просто смена политической вывески», так как блок «Служу Кузбассу!» мало чем отличается от партии «Единая Россия», кроме регионального масштаба [цит. по: 7].

Это подтверждают и результаты выборов 2008 г., почти беспрецедентные для России и закономерные для Кузбасса – 35 из 36 мандатов достались представителям «Единой России» (набрала 84,8 % голосов избирателей по спискам и получила 18 из 18 мест одномандатников) и 1 место – «справедливороссу» (5,7 % голосов). За ЛДПР и КПРФ соответственно проголосовали 4,7 и 3,4 % избирателей [18]. В итоге в СНД Кемеровской области образована одна фракция – «Единой России» – в составе 34 депутатов [26]. Как и в предыдущем созыве, ее депутаты полностью подконтрольны администрации области и лично губернатору А.Г. Тулееву, легитимируя их законодательные инициативы, а потому можно говорить о сохранении Кузбассом уникальности своего политического режима: даже в условиях перехода на смешанный принцип формирования региональных legislatures, органы власти фактически остаются апартийными.

И, наконец, на региональных выборах 2011 г. в ряде регионов, в частности, в Алтайском крае, применялась пропорциональная избирательная система с обязательным делением на региональные группы. В ее основу была заложена модель горизонтальных списков, привязанных к одномандатным округам. В этих условиях КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» выбрали вариант регистрации своих кандидатов-одномандатников и как лидеров списков. «Единая Россия» же, стремясь увеличить списочные рейтинги за счет депутатов, уже зарекомендовавших себя в одномандатных округах, поставила инкубентов во главе партийных списков, выдвинув новые кадры по одномандатным округам. Последними в основном стали бизнесмены, финансирующие не только свои избирательные кампании, но и общепартийную. Всего же «Единая Россия» выдвинула 34 территориальные группы и 34 одномандатников, «Справедливая Россия» и ЛДПР – по 34 группы и 31 одномандатника, КПРФ – 34 группы и 32 одномандатников. Кроме того, так и не зарегистрированное «Яблоко» сформировало 24 территориальные группы, но не выдвинуло не одного кандидата-одномандатника, а «Правое дело», наоборот, выдвинуло 10 кандидатов по одномандатным округам без территориальных групп [24].

В итоге, низкий уровень доверия к партиям и их кандидатам в российском обществе¹, соединившись с особенностями политической ситуации в стране и крае, привели к тому, что сохранить мандаты смогли только 45 % инкубентов.

Таким образом, трансформация избирательного законодательства в 2000-е гг. в сочетании с региональной спецификой конфигурации политических сил и групп интересов оказали существенное влияние на изменение состава региональных legisla-

¹ По данным опроса избирателей Алтайского края, проведенного Центром политического анализа и технологий АлтГУ в апреле 2012 г. (выборка составила 763 чел.), партиям доверяло 3,8 % респондентов.

тур в регионах Юго-Западной Сибири, что не могло ни сказаться на их структуре и содержании принимаемых решений.

Список литературы

1. Активные граждане – прозрачная власть. Итоги проекта. – М., 2005. – 56 с.
2. Алтай – 2004: выборы в краевые органы государственной власти. – Барнаул, 2005. – 62 с.
3. В новосибирском Облсовете создано 5 фракций. Режим доступа: [http://tauga.info/news/6029/\(27.11.2012\)](http://tauga.info/news/6029/(27.11.2012)), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Выборы в органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1997–2000. Электоральная статистика : в 2 т. – Т. 2. – М., 2001.
5. Выборы в Российской Федерации. 2001. Электоральная статистика. – М., 2002. – 120 с.
6. Выборы в Российской Федерации. 2005. Электоральная статистика. – М., 2006. – 200 с.
7. Гулик О. Кемеровский парламент сдался «единороссам» / О. Гулик // *Континент Сибирь*. – 2006, 5 октября.
8. Гулик О. В Кемерово решают, кто будет лидером фракции «Единой России» / О. Гулик // *Континент Сибирь*. – 2006, 10 октября.
9. Депутатский корпус Совета народных депутатов Кемеровской области. – Режим доступа: <http://www.sovet.kem.ru/composition.html>. (27.11.2012), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Депутаты Новосибирского областного Совета. – Режим доступа: [http://www.sovet-nso.ru/deputy/\(27.11.2012\)](http://www.sovet-nso.ru/deputy/(27.11.2012)), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
11. Зудин А. Ю. Режим В. Путина: контуры новой политической системы / А. Ю. Зудин // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 2. – С. 67–83.
12. Исследование ТАЙГИ.info-Research: на выборах побеждают кандидаты от крупного капитала и криминалитета. – Режим доступа: [http://tauga.info/news/4862/\(27.11.2012\)](http://tauga.info/news/4862/(27.11.2012)), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
13. Кочетова О. Новосибирский Облсовет опять начнет делить портфели / О. Кочетова // *Метро*. – 2006, 11 октября.
14. Кретинин А. Компартия омолодилась / А. Кретинин, Е. Фаламеева // *Континент-Сибирь*. – 2001, 5 октября.
15. Лихтенштейн А. В. Федерализм и партия власти: География распределения электоральной поддержки / А. В. Лихтенштейн // *Политическая наука*. – 2005. – № 2. – С. 40–67.
16. Облсовет Новосибирска выбрал председателей и зампредседателей комитетов. – Режим доступа: [http://tauga.info/press/1488/\(27.11.2012\)](http://tauga.info/press/1488/(27.11.2012)), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
17. Об утверждении основных положений о выборах в представительные органы государственной власти края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа : Указ Президента РФ от 27 октября 1993 г. № 1765 // *Собрание актов Президента и правительства РФ*. – 1993. – № 44. – Ст. 4189.
18. О Совете: состав и структура Совета народных депутатов Кемеровской области. – Режим доступа: <http://www.sndko.ru/section/32.html>. (27.11.2012), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
19. Посты в облсовете разделили миром. – Режим доступа: [http://tauga.info/news/6078/\(27.11.2012\)](http://tauga.info/news/6078/(27.11.2012)), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
20. Предчувствуя выборы в областной Совет депутатов // *Информационный вестник Новосибирского некоммерческого партнерства «В защиту прав избирателей ГОЛОС»*. – 2005. – № 2.
21. Расклад сил в новом Новосибирском областном Совете депутатов. – Режим доступа: [http://tauga.info/news/4929/\(27.11.2012\)](http://tauga.info/news/4929/(27.11.2012)), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
22. Рыжков В. А. Четвертая республика: Очерк политической истории современной России / В. А. Рыжков. – М., 2000. – 256 с.
23. Саква Р. Изменение режима от Ельцина к Путину / Р. Саква // *Политическая наука*. – 2003. – № 2. – С. 212–232.
24. Сведения о кандидатах в депутаты Алтайского краевого Законодательного Собрания шестого созыва. – Режим доступа: <http://www.altai-terr.izbirkom.ru/WAY/486BE470-6A07-4F5C-B46D-FF0241FB8449.html>. (27/11/2012), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
25. Соловьев А. И. Особенности механизма принятия решений в России: социокультурные и психологические параметры / А. И. Соловьев // *Полис*. – 1998. – № 4. – С. 127–129.
26. Состав фракции «ЕДИНАЯ РОССИЯ». – Режим доступа: <http://www.sndko.ru/section/291.html>. (27.11.2012), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
27. Фракция «Единой России» получила контроль над новосибирским Облсоветом. – Режим доступа: [http://tauga.info/news/8486/\(27.11.2012\)](http://tauga.info/news/8486/(27.11.2012)), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Aktivnye grazhdane – prozrachnaja vlast'. Itogi proekta. – M., 2005. – 56 s.
2. Altaj – 2004: vybory v kraevye organy gosudarstvennoj vlasti. – Barnaul, 2005. – 62 s.
3. V novosibirskom Oblsoвете sozdano 5 frakcij. Rezhim dostupa: [http://tayga.info/news/6029/\(27.11.2012\)](http://tayga.info/news/6029/(27.11.2012)), svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.
4. Vybory v organy gosudarstvennoj vlasti sub#ektov Rossijskoj Federacii. 1997–2000. Jeletoral'naja statistika : v 2 t. – T. 2. – M., 2001.
5. Vybory v Rossijskoj Federacii. 2001. Jeletoral'naja statistika. – M., 2002. – 120 s.
6. Vybory v Rossijskoj Federacii. 2005. Jeletoral'naja statistika. – M., 2006. – 200 s.
7. Gulik O. Kemerovskij parlament sdalsja «edinorossam» / O. Gulik // Kontinent Sibir'. – 2006, 5 oktjabrja.
8. Gulik O. V Kemerovo reshajut, kto budet liderom frakcii «Edinoj Rossii» / O. Gulik // Kontinent Sibir'. – 2006, 10 oktjabrja.
9. Deputatskij korpus Soveta narodnyh deputatov Kemerovskoj oblasti. – Rezhim dostupa: <http://www.sovet.kem.ru/composition.html>. (27.11.2012), svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.
10. Deputaty Novosibirskogo oblastnogo Soveta. – Rezhim dostupa: [http://www.sovetnso.ru/deputy/\(27.11.2012\)](http://www.sovetnso.ru/deputy/(27.11.2012)), svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.
11. Zudin A. Ju. Rezhim V. Putina: kontury novoj politicheskoj sistemy / A. Ju. Zudin // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – 2003. – № 2. – S. 67–83.
12. Issledovanie TAJGI.info-Research: na vyborah pobezhdajut kandidaty ot krupnogo kapitala i kriminaliteta. – Rezhim dostupa: [http://tayga.info/news/4862/\(27.11.2012\)](http://tayga.info/news/4862/(27.11.2012)), svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.
13. Kochetova O. Novosibirskij Oblsovet opjat' nachnet delit' portfeli / O. Kochetova // Metro. – 2006, 11 oktjabrja.
14. Kretinin A. Kompartija omolodilas' / A. Kretinin, E. Falameeva // Kontinent-Sibir'. – 2001, 5 oktjabrja.
15. Lihtenshtejn A. V. Federalizm i partija vlasti: Geografija raspredelenija jeletoral'noj podderzhki / A. V. Lihtenshtejn // Politicheskaja nauka. – 2005. – № 2. – S. 40–67.
16. Oblsovet Novosibirskaja vybral predsedatelej i zampredsedatelej komitetov. – Rezhim dostupa: [http://tayga.info/press/1488/\(27.11.2012\)](http://tayga.info/press/1488/(27.11.2012)), svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.
17. Ob utverzhenii osnovnyh polozhenij o vyborah v predstavitel'nye organy gosudarstvennoj vlasti kraja, oblasti, goroda federal'nogo znachenija, avtonomnoj oblasti, avto-nomnogo okruga : Ukaz Prezidenta RF ot 27 oktjabrja 1993 g. № 1765 // Sobranie aktov Prezidenta i pravitel'stva RF. – 1993. – № 44. – St. 4189.
18. O Sovete: sostav i struktura Soveta narodnyh deputatov Kemerovskoj oblasti. – Rezhim dostupa: <http://www.sndko.ru/section/32.html>. (27.11.2012), svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.
19. Posty v oblsoвете razdelili mirom. – Rezhim dostupa: [http://tayga.info/news/6078/\(27.11.2012\)](http://tayga.info/news/6078/(27.11.2012)), svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.
20. Predchuvstvuja vybory v oblastnoj Sovet deputatov // Informacionnyj vestnik Novosibirskogo nekommercheskogo partnerstva «V zashhitu prav izbiratelej GOLOS». – 2005. – № 2.
21. Rasklad sil v novom Novosibirskom oblastnom Sovete deputatov. – Rezhim dostupa: [http://tayga.info/news/4929/\(27.11.2012\)](http://tayga.info/news/4929/(27.11.2012)), svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.
22. Ryzhkov V. A. Chetvertaja respublika: Oчерk politicheskoj istorii sovremennoj Rossii / V. A. Ryzhkov. – M., 2000. – 256 s.
23. Sakva R. Izmenenie rezhima ot El'cina k Putinu / R. Sakva // Politicheskaja nauka. – 2003. – № 2. – S. 212–232.
24. Svedenija o kandidatah v deputaty Altajskogo kraevogo Zakonodatel'nogo Sobranija sheshtogo sozyva. – Rezhim dostupa: <http://www.altai-terr.izbirkom.ru/WAY/486BE470-6A07-4F5C-B46D-FF0241FB8449.html>. (27/11/2012), svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.
25. Solov'ev A. I. Osobennosti mehanizma prinjatija reshenij v Rossii: sociokul'turnye i psihologicheskie parametry / A. I. Solov'ev // Polis. – 1998. – № 4. – S. 127–129.
26. Sostav frakcii «EDINAJa ROSSIJa». – Rezhim dostupa: <http://www.sndko.ru/section/291.html>. (27.11.2012), svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.
27. Frakcija «Edinoj Rossii» poluchila kontrol' nad novosibirskim Oblsovetom. – Rezhim dostupa: [http://tayga.info/news/8486/\(27.11.2012\)](http://tayga.info/news/8486/(27.11.2012)), svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.